

POLm.8_666 POLm.8_666

Мимолет

18+

Мимолет

<https://litres.ru/74356794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эрик — человек, который привык управлять. Бизнес, встречи, контракты — его жизнь выстроена до мелочей. Женщины приходят и уходят, оставляя ровно столько следов, сколько он позволяет. С Линой всё пошло не по сценарию. Она не играла, не требовала, не пыталась заполнить его время. Она просто была рядом.

Их отношения длились несколько месяцев — без обязательств, без обещаний, без планов на будущее. Лина работала экономистом, преподавала бизнес-семинары, потеряла гостиницу во время пандемии. Когда пришло предложение от международной компании, она уехала. Эрик отпустил её, потому что не умел держать.

Через месяц после переезда она узнала, что беременна. И приняла решение, о котором никто не узнает — ни он, ни её новые коллеги, ни город, в который она переехала. В истории остались только чек из клиники и утренняя тошнота, которая не имела значения.

Это не роман о любви. Это роман о молчании, о выборе и о том, как люди проходят через жизнь друг друга — иногда оставляя после себя только тишину.

Содержание

### День Лины	8
### День Анны	12
### 1.0	15
### Галерея	20
### Новый дом	27
### 1.1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Мимолет

Оглавление

Дисклеймер

День Лины

День Анны

1.0

Галерея

Новый дом

1.1

1.2

1.3

Парк

День Алекса

Подарок

ТЦ

Пятно

Мерки

День Эрика

Поклоница

День Эрика. Продолжение

Маникюр

Продолжение встречи

Предложение о работе

Предложение о работе. Продолжение

Предложение о работе. Продолжение

Отъезд

Анна. Продолжение

Две полоски

Послесловие автора

Аннотация

Дисклеймер

Книга содержит сцены, которые могут быть неприемлемы для читателей младше 18 лет. В тексте присутствуют:

- сексуальные отношения и откровенные сцены,
- медицинская процедура (аборт),
- употребление алкоголя,
- нецензурная лексика.

Автор не рекомендует книгу к прочтению несовершеннолетним, а также людям, склонным к депрессивным состояниям или находящимся в процессе переживания травматического опыта, описанного в книге (потеря бизнеса, разрыв отношений, медицинское вмешательство).

Все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мёртвыми, является случайным.

Книга предназначена для взрослой аудитории, готовой к сложным темам и морально неоднозначным выборам персонажей.

День Лины

6:00. Подъём. Она включала кофеварку, пока чистила зубы. Завтрак — всегда один и тот же: овсянка, яблоко, чай. Без сахара. Без хлеба. Просто чтобы было.

6:45. Выход из дома. Гостиница была в двадцати минутах ходьбы от её квартиры. Она не любила такси — зачем тратить деньги, если можно пройтись и подумать. На ходу прокручивала в голове вчерашние отчёты, сегодняшние встречи, завтрашние счета. Она запоминала всё.

7:00. Открытие. Она приходила раньше всех. Проверяла почту, смотрела брони, сверяла списки гостей. Ничего не упускала. Дважды перепроверяла — потому что знала: ошибка в заселении стоит трёх часов нервотрёпки и одного скандала.

7:30. Первый обход. Проходила по коридорам, проверяла, что уборка сделана, номера готовы, в холле порядок. Смотрела на всё глазами гостя — это было её правило. Если бы она заселилась сюда как гость, осталась бы она довольна? Если нет — она находила того, кто отвечал за это, и решала вопрос.

8:30. Встреча с персоналом. Горничные, администраторы, технический персонал. Она говорила чётко, коротко, не повышая голоса. Все знали: она не злая, но требовательная. Если она сказала «сделайте», значит, надо было сделать. Без вопросов. Без обид.

10:00. Приём гостей. Она стояла за стойкой, если было много заездов. Сама проверяла документы, улыбалась, давала ключи. Ни один гость не получал плохой номер. Она знала все номера наизусть.

12:00. Отчётность. Два часа за компьютером. Расходы, доходы, закупки, фонд оплаты труда. Она видела каждую цифру. Если что-то не сходилось на копейку, она находила ошибку. Она не могла оставить ошибку неразгаданной.

14:00. Обед. Пятнадцать минут. Сэндвич и чай. Она не любила обедать долго — это отнимало время у работы.

14:30. Работа с поставщиками. Она сама договаривалась о закупках. Бельё, еда, расходники. Она проверяла качество, сравнивала цены, искала оптимальные варианты. Она знала, что экономия на качественных вещах — это потеря репутации. А репутация гостиницы — это её лицо.

16:00. Вторая проверка. Снова обход, снова каждая мелочь — цветы в холле, температура в номерах, чистота окон. Она замечала всё, что мог заметить гость. И исправляла до того, как гость пожаловался.

18:00. Вечерний приём гостей. Снова стойка, снова улыбка, снова ключи. Она помнила постоянных гостей в лицо и по именам. Говорила с ними как с друзьями, не как с клиентами. Это окупалось: они возвращались.

20:00. Завершение рабочего дня. Она проверяла отчёты за день, подписывала документы, оставляла список задач на завтра. Всегда письменно. Она не доверяла своей памяти — она доверяла только списку.

20:30. Уход. Выходила из гостиницы, когда город уже зажигал огни. Шла пешком домой — двадцать минут тишины, чтобы выветрить мысли о работе.

21:00. Дома. Ужин. Простая еда. Иногда фильм. Иногда книга. Она читала по вечерам — не бизнес-литературу, не саморазвитие, а что-то для души. Это был её способ не превратиться в машину.

23:00. Сон. Она засыпала быстро — потому что знала, что завтра снова нужно вставать в шесть. И делать всё то же са-

мое. Без эмоций. Без жалоб. Без ожиданий, что что-то изменится.

День Анны

Они встретились на корпоративном мероприятии. Она работала в консалтинговой фирме через дорогу от его офиса. Он заметил её первой — она стояла у бара, держала бокал с белым вином и смотрела в сторону сцены, не танцевала, не улыбалась, просто стояла. Он подошёл.

— Ты здесь одна? — спросил он.

— Теперь нет, — сказала она.

Это был их первый диалог. Прямой, без игры. Она не строила из себя загадку. Она не играла в недоступность. Она просто ответила фактом.

Она ему понравилась. Не яркостью, не красотой — она была приятной, но не ослепительной. Он запомнил её точность: она не говорила лишнего и воспитанной.

Они начали встречаться. Встречи были регулярными — раз в неделю, иногда чаще. Обычно он приезжал к ней домой. У неё была уютная квартира с высокими потолками и большими окнами. Она готовила ужин. Он приносил вино.

Они сидели на кухне и говорили.

Он рассказывал про бизнес. Она слушала. Иногда задавала вопросы. Она была единственной, кто не пытался давать советы. Она просто фиксировала. Он ценил это — устал от женщин, которые пытались стать его партнёром по бизнесу или заботливым родителем.

Она не просила его остаться на ночь. Он уезжал. Она не спрашивала, куда он едет. Она не интересовалась его расписанием. Это был сценарий без обязательств — и он устраивал его.

Иногда он пропадал на неделю или месяц или два. Она не звонила. Не писала. Когда он возвращался и говорил «я был занят», она кивала и говорила «я поняла». Никаких обвинений. Никакого давления. Идеальная любовница.

Он не знал, что она ведёт записи. Когда он уезжал, она включала диктофон. Не потому - что хотела использовать это — она просто хотела сохранить его голос. Его слова. Его присутствие.

Она не говорила ему о своём прошлом. И он не спрашивал.

Он принимал её как факт — она есть, она удобна, она не требует. Он не думал о ней между встречами. Она никогда не врывается в его мысли.

Так длилось два года.

Она ждала. Терпеливо. Она думала, что он станет ближе. Она не понимала, что он не умеет становиться ближе — и не хочет. Ему просто незачем — она эту мысль не могла представить себе.

1.0

Бар, ночь.

Смотрят друг на друга как на голые куски мяса.

Я заметил её сразу, как только вошёл. Нет, не так — я вошёл и через три секунды уже не смотрел ни на кого другого. Она сидела у стойки одна, спина прямая, пальцы расслабленно лежат на бокале. Не листала телефон. Не оглядывалась на дверь. Просто пила. Просто ждала. Кого — непонятно.

Я взял стул справа. Пустой зал, можно было сесть где угодно, но я сел рядом. Потому что захотел. Сделал бармену знак — два виски, лёд. Он меня знает, я здесь часто закрываю скучные вечера.

Она не повернулась, пока не звякнул лёд. И даже тогда — медленно. Без суеты. Без кокетливого «ой, я вас не заметила». Заметила. Просто не считала нужным реагировать сразу.

— Ты одна, — сказал я.

Не «вы». Я никогда не начинаю с «вы» в барах. Это экономит время.

— Уже нет, — ответила она.

Ровно. Ни улыбки, ни вызова. Просто констатировала факт. Как будто я не подсел познакомиться, а занял заранее забронированное место.

Я хмыкнул. Такое редко бывает. Женщины в барах обычно играют: одни строят из себя неприступных, другие слишком быстро становятся доступными. Эта не играла. Совсем. Я не мог понять, в чём её интерес, — и это заводило.

Я начал говорить. Обычно я не рассказываю о себе незнакомкам, но с ней почему-то пошло. Про бизнес, про партнёров-идиотов, про скуку, которая накрывает после тридцати пяти, когда уже всё доказал и некому доказывать. Она слушала. Не поддакивала, не вставляла свои истории — просто слушала. Иногда вставляла фразу, и всегда в точку. Как будто знала, когда я начинаю терять нить или сомневаться, стоит ли продолжать.

Дважды я проверял телефон — она не дёргалась, не закатывала глаза, не доставала свой. Просто ждала. Это было... непривычно. Как если бы у меня появилась аудитория, кото-

рая никуда не спешит.

Один раз я коснулся её запястья — просто чтобы проверить реакцию. Она не отдернула руку, но и не перевернула ладонь навстречу. Ноль. Ни отторжения, ни поощрения. Чистый лист. Это сбивало с толку и одновременно заставляло хотеть большего.

Я замолчал и посмотрел на неё иначе. До этого — как на красивую женщину. Теперь — как на загадку, которую хочется разгадать. У неё были спокойные глаза. Слишком спокойные для бара в ночь. Слишком спокойные для женщины, к которой только что подсел незнакомый мужик и час рассказывал о себе.

— Ты странная, — сказал я. — Не похожа на тех, кто сидит в барах одна.

— А ты похож, — ответила она.

Я не сразу нашёлся. Обычно женщины мне льстят или скромничают. А тут — зеркало. И ведь не поспоришь: я действительно похож на мужика, который сидит в барах один. Потому что я и есть такой.

Я не обиделся. Наоборот — почувствовал азарт. С ней

нельзя было играть в привычную игру. Она не покупалась на статус, деньги, уверенный тон. Нужно было что-то другое, и я пока не понимал что. Это бесило и манило одновременно.

— Давай повторим, — сказал я. — Завтра. Здесь же.

Она не ответила сразу. Взяла паузу ровно настолько, чтобы я понял: она решает. Не ломается, не набивает цену, а всерьёз думает — стоит ли тратить на меня ещё один вечер. И от этого моё желание получить «да» стало почти физическим.

— В девять, — сказала она. — У меня час.

— Час — это мало.

— Час — это честно.

Она встала. Я не пытался её удержать. Не люблю, когда женщины уходят, но ещё больше не люблю, когда они понимают, что я не хочу их отпускать. Это даёт им власть. А власть в таких отношениях должна быть у меня. Всегда.

Она накинула пальто — неяркое, без брендов, но хорошего кроя — и пошла к выходу. Я смотрел ей вслед. Плечи ровные. Шаг спокойный. Ни разу не обернулась.

Я допил виски. Усмехнулся. Завтра в девять. У меня час. Посмотрим, кто кому даст больше.

Я достал телефон, чтобы вызвать такси, и вдруг понял: я даже имени её не спросил.

И она не спросила моё.

--

Конец 10 апреля.

Галерея

Она пришла ровно в девять. Я видел, как она вошла в галерею — через стеклянные двери, под светом уличных фонарей. Ни на секунду не раньше, ни на секунду позже. Тот же спокойный шаг, то же пальто, только волосы убраны в низкий пучок. В галерее было пусто, только охранник у входа и девушка за стойкой с каталогами. Я стоял у первой картины — старой, мрачной, с тяжёлыми мазками и тёмной зеленью. Я не выбирал её специально, просто остановился.

Она подошла и встала рядом. Не слишком близко. Достаточно, чтобы я слышал её дыхание, но не чувствовал запаха духов. Она смотрела на холст так же долго, как я, а потом сказала:

— Ты не любишь искусство.

Это был не вопрос. Я усмехнулся.

— Почему ты так решила?

— Потому что ты стоишь перед этой картиной уже мину-
ту, а смотришь не на неё, а на отражение в стекле. На себя.

Я повернулся к ней. Она улыбнулась — первый раз за всё время. Коротко, едва заметно, но это была улыбка. И в ней не было насмешки. Просто наблюдение. *(Она меня раскусила за пять секунд. Это либо бесит, либо заводит. Пока не понял, что именно.)*

— Может быть, я смотрю, как ты подходишь, — сказал я.

— Может быть. Но ты смотрел на себя ещё до того, как я вошла.

Она прошла дальше, и я пошёл следом. Мы медленно шли по залам — белые стены, высокие потолки, запах краски и бумаги. Я рассказывал про свой бизнес: про то, как всё начинал с нуля, про ошибки, которые стоили мне трёх лет, про сделку, которая всё изменила. Я говорил громче, чем нужно было в галерее. *(Я несу эту херню уже десять минут. Она слушает. Боже, как она слушает — будто у неё нет телефона, нет мыслей о том, что завтра на работу, нет никого, кто ждёт её дома. Это ненормально. Это приятно.)* Мне хотелось, чтобы она видела во мне не просто мужика в дорогом пиджаке, а человека, который построил это сам. Который не брал кредитов у папы. Который каждый шаг делал через силу.

Она слушала. Так же, как в баре. Не перебивала. Иногда её взгляд задерживался на какой-нибудь картине — я даже не понимал, что она там видит. Но когда я замолкал, она поворачивалась ко мне и ждала, пока я продолжу. Будто знала, что я ещё не выговорился.

— Знаешь, — сказал я, когда мы остановились у абстракции, — я привык, что люди меня слушают, когда им что-то от меня нужно. А ты слушаешь так, будто тебе ничего не надо.

— Так и есть, — ответила она.

— И что тебе тогда нужно?

Она задумалась. Я видел, как она правда обдумывает ответ — не потому - что хочет произвести впечатление, а потому что хочет ответить честно.

— Мне нужно понять, — сказала она. — Ты рассказываешь о своём бизнесе. О деньгах. О партнёрах. О том, как трудно. Но ты ни разу не сказал «я хочу». Ты рассказал, что делаешь. Но не сказал, зачем.

(Чёрт. У меня внутри что-то ёкнуло. Она не играет. Она просто берёт и вытаскивает из меня то, что я сам прячу ото всех, даже от себя.)

Я хотел пошутить. Сказать что-то лёгкое, чтобы перевести разговор в привычное русло. Не получилось. Она смотрела на меня так, что шутки не вставали.

— Зачем? — повторил я. — Чтобы не быть как все. Чтобы доказать, что я могу. Чтобы...

Я запнулся. Честно? Я никогда не думал об этом. Я просто делал. Годами. Там, в этой гонке, не было времени на «зачем».

— Чтобы не быть как мой отец, — сказал я наконец. — Чтобы мои дети не жили так, как я.

(Твою мать. Зачем я это сказал? Я же не говорю про отца. Никогда. Она что, гипнотизёр? У неё глаза как у терапевта, только без блокнота.)

Я замолчал. Она не ахнула, не накрыла мою руку своей, не сказала «всё будет хорошо». Она просто кивнула. Как будто я сказал не про самую болезненную часть своей жизни, а про погоду. Я выдохнул. Не потому - что мне стало легче, а потому что она не сделала из этого драму.

— У тебя есть дети? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем ты строишь это для них?

Я не ответил. Потому что ответа не было. Или потому - что я боялся его произнести. *(Я всегда знаю, что сказать. Всегда. А тут стою, как школьник, и рот открываю. Идиот.)*

— Пойдём, — сказала она. — Там дальше ещё один зал.

Мы прошли ещё два зала. Она остановилась у маленькой работы — почти незаметной, в углу. На ней был написан простой пейзаж: поле, дорога, человек на горизонте. Ничего особенного. Но она стояла перед ней дольше, чем перед всеми остальными.

— Что ты видишь? — спросил я.

— Себя, — сказала она. — Идущего. Далеко. Не знаю куда. Кстати, эту же картину облили эоактивисты – следы до сих пор видны от щёлочи.

(Я посмотрел на картину. Я не увидел себя. Я увидел её — одну, на этой дороге. И мне захотелось пойти рядом. Сказать это вслух? Нет. Слишком рано.)

Она повернулась и посмотрела на часы. Я тоже глянул на свои — роскошные, швейцарские, которые она даже не заметила. Два часа. Чёрт. Пять часов прошло. Пять. Я не чувствовал времени. Вообще. Обычно я считаю минуты на встречах, в переговорах, в ресторанах с надоедливými партнёрами. А тут — пять часов как пять минут.

— Пять часов, — сказал я вслух. И улыбнулся. Растерянно, как-то по-дурацки. — Я не заметил.

— Я знаю, — ответила она. — Ты говорил без остановки. Ты всегда так много говоришь?

— Нет. С тобой — да. *(Боже, я сейчас ляпнул что-то слишком честное. Моя голова, твою мать, где ты была последние пять часов? Почему я не могу врать как обычно?)*

Она ничего не сказала. Просто смотрела на меня. Её глаза были спокойными, но я заметил — она чуть склонила голову, как будто изучает меня. Бровь поднялась на долю секунды. *(Ей интересно. Или она просто вежливая. Нет, вежливые не сидят пять часов с незнакомцем в галерее. Она хочет чего-то ещё. Чего?)*

— Вижу, — сказала она. — Тебе уже здесь надоело.

— Проголодалась? Тогда поехали поужинаем?

— Поехали.

--

Конец 17 апреля. 14:00.

Новый дом

Мы подъехали к воротам. Я вышел, обошёл машину, открыл ей дверь. Она вышла на гравийную дорожку, подняла голову к дому — трёхэтажному, с высокими окнами, с фасадом из серого камня и садом, который я давно забросил, потому что вечно был в разъездах. Дневной свет был беспощадным: каждая трещина в штукатурке, каждая неровность газона, каждая соринка на стекле были видны как на ладони.

— Ты не любишь этот дом, — сказала она. Даже не взглянув на меня.

(Откуда она знает? Я живу здесь три года. Купил его за сумму, которая вызывает у людей одышку. Я должен любить его. Я должен чувствовать гордость. Но я чувствую только пустоту каждый раз, когда захожу внутрь.)

— Почему ты так решила? — спросил я.

— Потому что ухоженные дома выглядят живыми, — ответила она. — В них есть беспорядок. Здесь — идеальный порядок. А идеальный порядок всегда — маскировка. Ты прячешься за ним.

Я открыл было рот, чтобы возразить. И не нашёл слов. Она вошла в прихожую, сняла пальто, повесила его на крючок — легко, как в собственном доме. Прошла в гостиную. Я шёл за ней, чувствуя себя мальчишкой, который привёл в свою комнату девчонку из соседнего двора. Разница была в том, что этому мальчишке было под сорок, он управлял тремя компаниями и мог купить этот квартал целиком, но в груди стучало так, будто он снова стоял перед дверью десятого класса.

Она остановилась у стола. Провела пальцем по поверхности, посмотрела на кончик — тонкий слой пыли.

— Ты не бываешь здесь, — сказала она. Это был не вопрос.

— Домработница приходит три раза в неделю, — ответил я.

— Она убирает то, что ты используешь. А стол этот ты не используешь. Поэтому там, куда ты не заглядываешь, — пыль. Как и в твоей жизни.

(Ни осуждения, ни жалости. Просто факт. Она говорила об этом так же спокойно, как врач говорит о диагнозе — ров-

но, без дрожи в голосе, потому что это правда и её не нужно смягчать.)

Я прошёл в столовую. Она за мной. Мы прошли через широкую арку, и она остановилась на пороге.

Столовая была большой — метров сорок, с высокими потолками, лепниной по карнизу и огромным дубовым столом на двенадцать персон. Хрустальные люстры свисали с потолка, преломляя дневной свет на сотни мелких искр. Сервировка стояла идеальная: фарфор, серебро, хрустальные бокалы. Две свечи — не зажжённые, но стоящие в подсвечниках. Будто кто-то готовился к приёму, которого не случилось.

— Ты ешь здесь один? — спросила она.

— Иногда, — сказал я. — Когда хочу почувствовать себя человеком.

Она прошла к столу, провела пальцами по спинке стула — резного, с тёмной обивкой. Её шаги почти не звучали по паркету.

— Ты заказал еду, — сказала она. Это был не вопрос. Она заметила накрытые тарелки, ещё тёплые, принесённые

за десять минут до нашего приезда. Я всегда заказывал, когда планировал обедать дома. Просто привычка, чтобы не стоять у пустого холодильника.

— Да, — сказал я. — Я позвонил, пока мы ехали. Думал, что ты будешь голодна.

— Ты угадал.

Она села. Я сел напротив. Между нами был метр дубовой столешницы, хрусталь, свечи, белая скатерть. Всё как в дорогом ресторане, но без посторонних глаз. Только она и я.

Официант в белом фартуке бесшумно появился из дверей кухни — я не слышал, как он вошёл. Поставил перед нами тарелки: лёгкий салат с креветками, прозрачный бульон с зеленью, основное — стейк с розовым перцем и овощами гриль. Всё выглядело как фотография из кулинарного журнала.

Она поднесла бокал с водой к губам, отпила, поставила на стол. Взяла вилку, отрезала кусочек салата. Жевала медленно, смакуя. Я смотрел на неё и чувствовал, как этот дом, который я ненавидел за пустоту, вдруг наполняется теплом.

— Ты всегда так обедаешь? — спросила она. — Один, в

пустой столовой, под хрустальными люстрами?

— Когда я дома, — ответил я. — Что редко.

— Я понимаю, почему ты не хочешь быть здесь.

(Она снова попала в точку. Этот дом никогда не был домом. Он был декорацией. Шоу-румом для человека, который забыл, зачем ему всё это.)

Она взяла нож, отрезала кусок стейка. Тонкий аромат розового перца поплыл над столом. Я смотрел на её руки, на то, как уверенно она управляет с серебром, — никакой неловкости, никакого преклонения перед дорогой обстановкой. Будто она обедала в таких залах всю жизнь. Или будто ей было всё равно.

— Ты не спрашиваешь, кто я, — сказала она, жуя. — Не спрашиваешь, где работаю, сколько мне лет, есть ли у меня муж.

— Ты расскажешь сама, если захочешь, — ответил я.

— А если нет?

— Значит, не расскажешь.

Она подняла на меня взгляд. В нём мелькнуло что-то — тень удивления или интереса. Но она ничего не сказала.

Мы ели в тишине. Звук серебряных вилок о фарфор, лёгкий звон бокалов, шум приглушённого кондиционера. И эта тишина была лучше любых пустых разговоров. Я не пытался её заполнить. Я просто сидел напротив неё, ел стейк и чувствовал, как внутри отступает та тяжесть, которую я носил годами.

— Вкусно, — сказала она.

— Повар хороший, — ответил я. — Домработница находит мне таких.

— Ты даже готовить не умеешь, — сказала она без осуждения, просто как факт. — Ты умеешь зарабатывать. И умеешь нанимать тех, кто делает всё остальное.

— Да, — согласился я. — Я умею только это. И иногда я забываю, зачем.

Она отложила вилку. Посмотрела на меня поверх стола. В её глазах не было жалости. Было что-то другое — то, что я не мог назвать. Может быть, принятие. Может быть, пони-

мание. Может быть, просто человеческое спокойствие.

— Ты не забыл, — сказала она. — Ты просто спрятал. Как этот дом. За красивой обёрткой.

Я хотел ответить. Но не нашёл слов. Потому что она была права. Чёрт бы её побрал, она была права всегда?

Она доела, отодвинула тарелку. Официант бесшумно убрал приборы, поставил перед нами десерт — тирамису с малиновым соусом и две маленькие чашки эспresso.

Я взял чашку, сделал глоток. Горький, тёмный, как мысли, которые не давали мне спать по ночам. Она тоже взяла чашку, но не пила — держала в ладонях, грела руки, смотрела на меня.

— Ты не знаешь моего имени, — сказала она.

— Ты не говорила.

— Я говорю сейчас. Лина.

Она поставила чашку, откинулась на спинку стула. Её руки лежали на столе — спокойные, расслабленные. Никакого кольца на безымянном пальце. Никаких часов, браслетов,

украшений. Только тинт.

— Мы обедаем в твоём доме. Я знаю твоё имя, ты знаешь моё. Ты рассказал мне о себе больше, чем рассказал бы большинству людей. Но ты до сих пор не спросил, зачем я села в тот бар.

— Зачем? — спросил я.

Она улыбнулась — одними уголками губ. Той же тихой улыбкой, которая не обещала ничего, но дарила всё.

— Потому что ты был виден сразу. Как эта столовая. Безупречная обёртка. Но внутри — пустота. И я хотела понять, что скрывается под ней.

Я смотрел на неё, и внутри что-то переворачивалось. Она не пыталась занять место в моей жизни — она просто стояла рядом и смотрела в ту же сторону. И этого было достаточно. Больше чем достаточно.

— И что ты увидела? — спросил я.

Она допила эспрессо, поставила чашку на блюдце. Звук фарфора о фарфор прозвучал как точка.

— Я увидела мужчину, который устал играть, — сказала она. — И который не знает, как выйти из игры, потому что все вокруг ждут, что он продолжит.

Она встала. Я тоже поднялся. Мы стояли напротив друг друга — метр дубового стола, хрусталь, скатерть, небо за окнами. Но между нами не было расстояния.

— Оставайся, — сказал я. — Столько, сколько сама захочешь.

Она взяла мою ладонь, прижалась к ней своей. Провела большим пальцем по костяшкам — медленно, изучающе, как будто читала меня по руке.

Она не сказала «да». Не сказала «нет». Она улыбнулась и отпустила мою руку, но не ушла.

— Это не я решаю, сколько оставаться, — сказала она. — Это ты решишь, когда наиграешься в хозяина дома с серебряными вилками.

Она прошла к большому окну в торце столовой. Встала у стекла, глядя на сад. Солнце падало на её волосы, делая их золотистыми. Я подошёл к ней, встал рядом. Мы смотрели на деревья, на газон, на лёгкую рябь в пруду, который я выкопал

пять лет назад и ни разу не купался в нём.

— Я не играю, — сказал я.

— Ты думаешь, что не играешь, — ответила она. — Это и есть игра.

Она повернулась ко мне. Я смотрел на её лицо — спокойное, честное, без маски. И понял, что если она уйдёт, этот дом снова станет пустым. Только на этот раз — до краёв.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

Она смотрела на меня долго. Потом подошла ближе — так близко, что я чувствовал её дыхание.

— Тогда не делай этого, — сказала она.

Я провёл рукой по её плечу. Она не отстранилась. Просто стояла и смотрела на меня — без ожидания, без условий.

Мы стояли у окна в столовой, залитой солнечным светом. Официант бесшумно убирал тарелки. Где-то за стеной тикали часы. А я смотрел на неё и знал — я не хочу, чтобы это

заканчивалось. Никогда.

(Странное чувство. Я никогда не впускал никого в этот дом. А она вошла, как будто всегда здесь жила. И я вдруг понял, что этот дом был пустым не потому, что в нём не было вещей. А потому, что в нём не было человека. Теперь он появился. И я не знаю, что с этим делать. Но я точно знаю, что не хочу это терять.)

1.1

Бар, ночь.

Смотрят друг на друга как на голые куски мяса.

Только она на меня так не смотрела. Никто не смотрит. Я сидел в углу, пил пиво — третью бутылку за вечер, медленно, растягивал — и старался занимать как можно меньше места. Локти прижаты к бокам. Телефон в руке, хотя я в него даже не глядел. Просто чтобы пальцы были заняты и глаза — опущены.

Третий столик от двери. Один. Проверяет телефон каждые четыре минуты, но не читает — экран слишком быстро гаснет. Ждёт кого-то, кто не придёт. Или боится, что кто-то подойдёт.

Я не заметил, как она возникла. Просто вдруг — стоит рядом с моим столом. Не у стойки, не у входа — прямо здесь, как будто её выбросило из воздуха.

— Привет, — сказала она.

Я дёрнулся. Буквально. Пиво качнулось в бутылке.

— Э-э... привет.

Она не уходила. Женщины вроде неё не подходят к таким, как я. У неё было простое лицо, без косметики или почти без, и спокойные глаза. Не добрые — именно спокойные. Как вода в колодце: не видно дна, непонятно, холодная или тёплая, пока не прыгнешь.

Плечи подняты. Дыхание поверхностное. Испугался не меня — испугался, что с ним заговорили. Интересно. Обычно такие прячутся в толпе, а этот пришёл в бар и сидит один. Значит, всё-таки хочет, чтобы его нашли.

— Тут играет музыка, — сказала она.

Я прислушался. Действительно, играла. Что-то медленное, джазовое. Я не замечал.

— Потанцуем?

Я моргнул.

— Я не умею танцевать.

— Это не важно.

— Я серьёзно. Я правда не...

— Я тоже серьёзно. — Она не улыбалась, но и не давила. Просто стояла и ждала. — Это не экзамен. Никто не ставит оценки.

Отказ заготовлен заранее. Не «не хочу» — «не умею». Разница в три буквы, но в них — всё. Он не говорит «нет» миру. Он говорит «я недостоин». С таким можно работать.

Я открыл рот, чтобы отказаться снова. У меня было готово: «спасибо, я лучше посижу», «я вообще-то скоро ухожу», «позови кого-нибудь другого». Обычный набор. Я пользовался им годами.

Но она стояла и смотрела. И в её лице не было ни жалости, ни насмешки, ни того особого женского любопытства, которое на деле означает «посмотрю на этого убогого поближе, будет что рассказать подругам». Она просто ждала. Как будто у неё было всё время мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.